

УДК 902, 904
МРНТИ: 03.41.91

<https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.29.42>

Гунны в Сибири, или о границах Древности и Средневековья. Взгляд археолога

© 2023 г. Кызласов И.Л.

Keywords: archaeology, Asiatic Huns, conquest of Southern Siberia, state structure, the turn of Antiquity and the Middle Ages

Түйін сөздер: археология, азиаттық ғұндар, Оңтүстік Сібірді жаулап алу, мемлекеттік құрылым, Ежелгі және Ортағасыр межесі

Ключевые слова: археология, азиатские гунны, завоевание Южной Сибири, государственное устройство, рубеж Древности и Средневековья

Igor Kyzlasov¹

¹Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: kyzlasovil@mail.ru

The Huns in Siberia, or about the borders of Ancient and Middle Ages. Archaeologist's view

Abstract. At the turn of 3rd and 2nd centuries BC the Asiatic Huns annexed the lands of Southern Siberia and thus ensured their fundamental state interests: calm northern rear areas and permanent mining, metallurgical and handicraft production to supply weapons and equipment for the army, and plowing and reaping tools for their farmers. The conquest did not interrupt the local economic development, handicraft and agricultural activities were controlled and encouraged by the supreme Hunnic power. This is fully confirmed by archaeological data. The Huns spread urban culture not only in Central Asia, but also in Southern Siberia. For the first time in Asia, they created a state with a unified administration of both settled and nomadic population, that is, a full-fledged world power. Its integrity was determined both by the unity of political power, and by the mutual correspondence of the multi-lingual and multi-tribal parts of the country. The Asiatic Huns themselves were not Turkic-speaking. They did not belong to the Turkic or Mongolian world according to the main archaeological signs of cultural genesis: neither by the type of dwellings, nor by the look of burials. But it was they who first brought the early Turkic peoples to the historical arena, moving them from the unknown places of Central Asia to the north. The archaeological gradation of the historical periods of Antiquity and the Middle Ages revealed on the Yenisei extends to the entire Sayan-Altai Highlands and the Baikal region. The boundary of ancient and medieval development is the Hun epoch.

Funding source: The work was carried out within the framework of the State Task of the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences No. of the Research, Development and Technological Work 122011200266-3.

For citation: Kyzlasov, I. 2023. The Huns in Siberia, or about the borders of Ancient and Middle Ages. Archaeologist's view. *Kazakhstan Archeology*, 1 (19), 29–42 (in Russian). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.29.42](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.29.42)

Игорь Леонидович Кызласов¹

¹тарих ғылымдарының докторы, жетекші ғылыми қызметкер, РҒА Археология институты, Москва қ., Ресей

Сібірдегі ғұндар, немесе Ежелгі және Ортағасырлардың шекарасы жайында.
Археолог көзқарасы

Аннотация. Б.д.д. III және II ғғ. межесінде азиаттық ғұндар Оңтүстік Сібір жерлерін қосып алды

Игорь Леонидович Кызласов¹

¹доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН, г. Москва, Россия

Гунны в Сибири,
или о границах Древности и Средневековья.
Взгляд археолога

Аннотация. На рубеже III и II вв. до н.э. азиатские гунны присоединили земли Южной Сибири и тем

және өздерінің түбегейлі мемлекеттік мүддесін: солтүстік тыныш аумағымен және әскерді қару жарақпен қамту үшін үздіксіз жұмыс істеп тұрған кен өндіру, металлургиялық және қолөнер өндірісімен, жер жырту құралы мен өздерінің жер иеленушілерін астықпен қамтамасыз етті. Жаулап алу жергілікті шаруашылық дамуға кедергі болмады, жоғарғы ғұн билігі қолөнер және ауылшаруашылық қызметін бақылап және қолдап отырды. Бұл археологиялық мәліметтермен толықтай дәлелденіп отыр. Ғұндар қалалық мәдениетті Орталық Азияда ғана емес, Оңтүстік Сібірде де енгізді. Олар алғаш рет Азияда отырықшы және көшпелі халықты біртұтас басқаратын мемлекет, яғни толыққанды әлемдік державаны құрды. Оның тұтастығы саяси биліктің бірлігімен, елдің көп тілді және әр түрлі рулық бөліктерінің өзара сәйкестігімен де анықталды. Азиаттық ғұндардың өздері түркітілдес болмады. Олар мәденигенездің негізгі археологиялық белгілері бойынша: тұрғын үй типі, жерлеу көрінісі бойынша түркі немесе моңғол әлеміне жатпады. Бірақ олар ежелгі түркі халықтарын Орталық Азияның белгісіз жерлерінен солтүстікке қарай жылжытып, алғаш рет тарихи аренаға алып шықты. Енисейде анықталған Ежелгі және Ортағасырлық тарихи кезеңдердің археологиялық градациясы бүкіл Саян-Алтай таулары мен Байкал маңына таралады. Ежелгі және ортағасырлық дамудың межесі ғұн дәуірі болып табылады.

Қаржыландыру көзі: Жұмыс РФА Археология институтының № ҒЗТҚТЖ 122011200266-3 Мемлекеттік тапсырмасы аясында орындалды.

Сілтеме жасау үшін: Кызласов И.Л. Сібірдегі ғұндар, немесе Ежелгі және Ортағасырлардың шекарасы жайында. Археолог көзқарасы. *Қазақстан археологиясы*. 2023. № 3 (19). 29–42-бб. (Орысша). DOI: [10.52967/akz2023.1.19.29.42](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.29.42)

обеспечили свои коренные государственные интересы: спокойные северные тылы и постоянно действующее горнорудное, металлургическое и ремесленное производство для снабжения вооружением и снаряжением армии, орудиями пахоты и жатвы своих земледельцев. Завоевание не прервало местного хозяйственного развития, ремесленная и земледельческая деятельность контролировалась и поощрялась верховной гуннской властью. Это в полной мере подтверждается археологическими данными. Гунны насаждали городскую культуру не только в Центральной Азии, но и в Южной Сибири. Они впервые в Азии создали государство с единым управлением как оседлым, так и кочевым населением, то есть полноценную мировую державу. Ее цельность определялась как единством политической власти, так и взаимным соответствием разных по укладу языковых и разнплеменных частей страны. Сами азиатские гунны не были тюркоязычными. Они не принадлежали к тюркскому или монгольскому миру по основным археологически признакам культурогенеза: ни по типу жилищ, ни по облику захоронений. Но именно они впервые вывели на историческую арену ранние тюркские народы, сдвинув их из неведомых мест Центральной Азии на север. Выявляемая на Енисее археологическая градация исторических периодов Древности и Средневековья распространяется на всё Саяно-Алтайское нагорье и Прибайкалье. Рубежом древнего и средневекового развития оказывается гуннская эпоха.

Источник финансирования: Работа выполнена в рамках Государственного задания Института археологии РАН № НИОКТР 122011200266-3.

Для цитирования: Кызласов И.Л. Гунны в Сибири, или о границах Древности и Средневековья. Взгляд археолога. *Археология Казахстана*. 2023. № 3 (19). С. 29–42. DOI: [10.52967/akz2023.1.19.29.42](https://doi.org/10.52967/akz2023.1.19.29.42)

Памяти Сергея Степановича Миняева (1948–2020), единственного археолога-гунноведа нашего поколения, осознавшего своё предназначение и не изменившего ему

Введение

Около 201 г. до н.э. войска центральноазиатских гуннов овладели всем Саяно-Алтайским нагорьем, включая Туву, а также Западным Забайкальем и частью Монголии. После этого похода, возглавлявшегося Модэ-шаньюем, по словам китайского историка, все знатные люди гуннов «подчинились ему и стали считать шаньюя Модэ мудрым». В чём же проявилась на этот раз мудрость

создателя первой огромной державы Центральной Азии¹? Совсем не в том, что он сумел на юге восстановить бывшую границу гуннов с Китаем или в трудных боях одолел и восточных, и западных соседей. Мудрость его была в том, что он покорил народы севера. Археологические находки позволяют понять, ради чего проливалась кровь гуннских воинов и в чём заключалась мудрость степного правителя.

Сильное государство центральноазиатских гуннов в постоянной борьбе противостояло огромной китайской империи и стремилось ни в чём не уступать ей. Гуннское царство само встало на путь формирования обширной мировой державы и мощной самодержавной власти. Ради всего этого оно остро нуждалось в том, что не могла дать суровая природа родной земли. Неспроста к северу от Китая испокон веков господствовало скотоводство. Трудна в тех местах почва для выращивания злаков. Хотя мы знаем теперь, что у гуннов было и земледелие, своего хлеба не хватало. Не доставало в коренных гуннских землях и рудных залежей. А без металла не могло быть у страны ни военной, ни ремесленной силы.

Вот и устремился Модэ-шаньюю на завоевание районов, лежавших к северу от лишенных природных богатств пустыни Гоби и степей современной Монголии. Для борьбы с китайским югом и другими врагами гуннам были нужны не только спокойные северные тылы. Необходимо было постоянно действующее горнорудное, металлургическое и ремесленное производство для снабжения своих войск вооружением и походным снаряжением, а своих земледельцев – орудиями пахоты и жатвы, всякими иными инструментами.

Одной из стран, одновременно и хлебородной, и богатой полезными ископаемыми, где все необходимые отрасли существовали в передовых для того времени формах, и было названное среди захваченных государство Динлин в цветущей Хакасско-Минусинской котловине. Вторым районом оказалось Западное Забайкалье.

Характер гуннской власти

Будем помнить, что любая государственная политика освоения новых земель никогда не велась на ощупь. Подобно гуннам через 15 веков также поступили при Чингисхане монголы. Затевая покорение мира, они, прежде всего, бросили свои войска в долины Енисея. Захлебываясь в крови весь XIII век, эти земли даже в XIV в. могли ещё поставлять зерно арабским заготовителям хлеба. Не прекращалось здесь и производство металла. Посмотрите, как много позднее продвигалось в Сибирь Московское царство: в XVI–XVII веках казаки шли по тайге, собирая пушнину (мировую валюту того времени), в XVIII в. движение уже охватывало южные горные районы – родившейся Российской империи нужны были руды и металлы.

Мудрость Модэ-шаньюю и его советников состояла в том, что они в последние годы III в. до н.э., присоединив земли Южной Сибири, обеспечили коренные государственные интересы своей молодой набравшей силы державы².

Именно тогда в Южной Сибири и Забайкалье было создано большинство городков, в которых впервые в тех местах были поселены жители-иностранцы. Это были сами гунны, в приказном

¹ Это понятие употребляется мною в рамках русской географической традиции, основанной на постоянных естественных рубежах водоразделов, а не на изменчивых во времени историко-культурных показателях западноевропейской терминологии.

²Тема поставлена и лаконично раскрыта на письменных и археологических данных в работах Л.Р. Кызласова [Кызласов 1984; 1998; 1999; 2006: 142–145].

порядке направленные из центра страны на освоение новых земель. Они строили дома привычного для себя вида – квадратные полуземлянки с отапливаемой дымом каменной лежанкой, идущей вдоль вертикальных стен, глинобитных или сложенных из сырцового кирпича [Давыдова 1956: 262; 1985: 14, 15; 1995: 14–18, рис. 3, 4, 8, табл. 18–22, 24 сл.; Давыдова, Миняев 2003: 10, 13–17, 41, рис. 4, 5 табл. 2, 19, 66 и др.; Кызласов И.Л. 2011: 165–170]. Так в Южной Сибири дома местных жителей нигде и никогда не строились и не обогревались.

Иволгинское городище гуннов создавалось по проекту, с правильным направлением прямых улиц и расположением усадеб по общим правилам [Давыдова 1985: 11–22, рис. II, III; 1995: 10–19, рис. 1–9, табл. I–III]. Тот же вид планировки открыт при раскопках Ташебинского городка в Хакасии, в центре которого возвели глинобитный дворец наместника гуннов, а окраину заселили местными жителями. Ориентировка и планировка китайских городов и усадеб того времени была иной, что показано сопоставлением градостроительной традиции двух культур [Кызласов Л.Р. 2006: 166–170, рис. 21; Кызласов И.Л. 2011: 147–164].

Исторические и археологические данные показывают, что именно гунны стали первыми насаждать городскую культуру не только в Центральной Азии, но и в Южной Сибири.

Археологические раскопки свидетельствуют, что у каждого такого гуннского поселения была своя задача. В одном, как в Туве на правых притоках Улуг-Хема, уже на рубеже III–II вв. до н.э. занимались горными выработками по добыче железной руды и выплавкой железа на месте [Кызласов Л.Р. 1969: 120, 121, рис. 3, 1–4; 1979: 82, 83]. Вероятно, металлургией во II–I вв. до н.э. занимались и поселенцы Иволгинского городка на р. Селенге в Бурятии, где зафиксирован сыродутный горн для выплавки железа и определена бывшая там специализация многих усадеб на бронзолитейном производстве [Миняев 1983: 65, рис. 10; Давыдова 1995: 51–54]. Другие, как жители селения Дурёны на р. Чикой в Бурятии, были заняты выращиванием хлебных злаков. Они делали это так усердно, что на жилой площади и лишь в шести раскопанных жилищах археологами был найден 21 чугунный плужный лемех, в то время как при раскопках 52-х жилищ Большого Иволгинского городища встречено лишь два железных сошника [Окладников 1962; Кызласов Л.Р. 2006: 157]. На поселении также встречено много металлургических шлаков, кусков железной руды, производственных ям [Давыдова, Миняев 2003: 41]. Третьи, как на Горном Алтае на р. Юстыд также, возможно, имели связь с добычей железа (соседнюю гору геологи не зря зовут «Печи Чингизхана»), но помимо того в 1-й четв. II в. н.э. организовали близ поселения выделку глиняной посуды. Кроме столовых и кухонных горшков и чаш, они лепили и обжигали в очень больших по объему печах огромные, по грудь человеку, сосуды-бочки для хранения зерна и других продуктов. Таких печей было много, и работали они много лет – потребность в зернохранилищах была большая [Кубарев, Журавлева 1986].

Было ли создание специализированных поселений воспринято гуннской властью из китайского опыта? Насколько известно, идея заселения пустующих земель связана в Китае ещё с реформами VII в. до н.э. Однако их строительство тогда велось в царстве Ци на берегах Желтого моря, вдалеке от гуннских земель. Строительство военных поселений вдоль границы последовательно проводилось династией Хань лишь с сер. II в. до н.э. Не приходится забывать, что именно политика гуннов вынудила Китай прибегнуть к такой системе защиты [Сыма Цянь 1975: 75; Таскин 1973: 117, 162, 163, прим. 2; Торчинов 2005: 383, 385, 388–393, 401–409].

Лишь одно из названных поселений, Большое Иволгинское, было окружено крепостными стенами и рвами. Оно существовало во II–I вв. до н.э., т. е. возникло одновременно с ханьскими

пограничными поселениями. Но укрепления этого городища не соответствуют оборонительной схеме, разработанной в Китае. И китайских поселенцев на Селенге не было [Киселев 1957: 92; Davydova 1968: 241, 242]. Хорошо был укреплен и гуннский Дэрестуйский замок (Баян-Ундэр) на р. Джиде, имевший внешнюю и внутреннюю стену со рвом [Данилов 2004: 36, 37, 47, 49, 52, 53; Кызласов Л.Р. 2006: 155, 156]. Видимо, в нем находился центр гуннского управления обширными землями Прибайкалья. Остальные гуннские поселения Южной Сибири были открытыми – укрепления они не имели, несмотря на то, что пришельцы обживались в них уверенно и надёжно, то есть селились надолго.

Выходит, будучи захватчиками, окруженными покоренным ими народами, гунны *не нуждались в защитных сооружениях для своих поселков*. Это свидетельствует о многом. Можно думать, что власть в государстве была настолько сильной, что местные жители не смели ей сопротивляться. Однако, скорее всего, дело было в другом. Условия существования в гуннском государстве не были тягостными для коренного населения присоединённых к нему земель и не вызвали у него активного сопротивления.

Придя с войною, гунны *не истребляли и не сгоняли с обжитых земель местных жителей*. Это предположение в полной мере подтверждается археологическими данными. Так, на горных выработках в Туве рядом найдены обломки глиняных сосудов гуннов и горшков местного изготовления: гуннские рудокопы работали вместе с тамошними рудознатцами [Сунчугашев 1969: 107–109, рис. 51; Кызласов Л.Р. 1969: 120, 121, рис. 3, 1–4; 1979: 82, 83]. Та же картина встречена и на поселении Дурёны в Бурятии: одновременные археологические находки принадлежали к гуннской и местной культуре – пришлые люди и старожилы оказались соседями [Кызласов Л.Р. 2006: 157]. Так было и в Хакасии того времени. Центр гуннской власти в Южной Сибири – городок гуннского наместника на р. Ташебе состоял из обычных для этих земель срубных избушек, которые, однако, окружали дворец чужеземного вида и стояли по плану гуннской застройки. Сделанные там при раскопках находки также принадлежали местной и иноземной гуннской культуре. Даже скульптурные дверные ручки парадного дворцового зала были отлиты динлинами и отражали местный антропологический тип [Кызласов Л.Р. 2001; 2006: 171–174, 201, 202, рис. 19, 21, 22, 36, 37].

Получается, гуннское нашествие не было лихим и разорительным набегом. Многотысячные войска пришли не грабить южносибирские страны, не захватывать добычу. Гуннское царство просто на просто забирало, присоединяло к себе эти края со всеми природными богатствами, которыми они обладали. Новым властителям не были нужны опустошенные земли. Им нужны были подданные. Знающие как добывать руды и плавить металлы, способные отливать бронзу и ковать сталь, умеющие растить и убирать хлеба, опытные в орошении пашен и покосов. Под властью гуннов в развитии всех захваченных ими земель произошел качественный скачок производительных сил.

Завоевание гуннов не прервало хозяйственного развития горностепного края. На Саяно-Алтае не просто продолжалось привычное бытование прежних его обитателей, их ремесленная и земледельческая деятельность контролировалась и поощрялась верховной гуннской властью. Так, в Хакасии, например, найдено довольно много крупных бронзовых прорезных пластин, отличавших пояса только в одежде самих гуннов. Они крепились попарно на парадную одежду как мужчин, так и женщин. По внешнему виду изделия, найденные на Енисее, ничем не отличались от таких же, происходящих из коренных гуннских земель [Дэвлет 1980: 18–20, рис. 8]. Но по составу бронзы установлено, что эти поясные украшения были изготовлены именно на Енисее. В этих землях тогда были свои правила соединения разных сплавлявшихся в бронзу металлов. В других краях

добавляемые к меди части были другими. Это наблюдение означает, что в Хакасско-Минусинской котловине местные бронзолитейщики изготавливали бляхи по гуннским образцам. Работа мастеров на захваченных землях динлинов была переведена на производство изделий для гуннов. По таким правилам пришлось тогда трудиться и мастерам Забайкалья [Миняев 1980; 1983].

То же самое происходило в захваченных гуннами других благодатных районах Азии. Под надзором гуннской власти продолжало, например, развиваться городское ремесленное и сельское земледельческое хозяйство Восточного Туркестана.

Известные ныне письменные свидетельства и археологические материалы свидетельствуют об одном: 23 века назад, в конце III в. до н.э., *гунны впервые в Азии создали государство с единым управлением как оседлым, так и кочевым населением* – то есть полноценную мировую державу. Ее цельность определялась не только единством политической власти, но и, в очень большой степени, взаимным соответствием в хозяйстве одной страны разных по укладу многоязыких и разноплеменных её частей.

Помимо того, нашествие не только прервало естественный ход самобытного государственного развития названных южносибирских земель, оно изменило их национальный и языковой состав. С тех пор история этого края потекла по совершенно другому руслу.

Гунны и ранние тюркские народы

Сами управлявшие разноязыкими народами азиатские гунны *не были тюркоязычными*. На страницах китайских летописей сведения об этом народе появились почти 2350 лет назад, со 2-й пол. III в. до н.э. и постоянно пополнялись, по крайней мере, в течение 800 лет. Но никто не оставил сведений о языке гуннов, не записал его фраз, не составил словарь [Дёрфер 1986]. А ведь в Китае на протяжении восьми веков были знающие этот язык люди. Например, толмачи на рынках, переводчики в войсках, в канцеляриях при местных и столичных владах. Можно думать, что здесь сказалось высокомерное пренебрежение китайской культуры к варварам, которыми считали соседей.

Судя по разрозненным случайным записям отдельных слов, гуннский язык вообще не принадлежал к какому-то известному сегодня типу. Необходимо принять печальный факт: многие языки, существовавшие как в далёком, так и довольно близком прошлом человечества, уже не с чем сравнивать. При изучении любого периода древности или средневековья нам не следует забывать, что до современности не дошли не только отдельные языки того времени, но и целые языковые семьи. Так вышло и с гуннами – их язык не дожил до сегодняшнего дня, и неизвестно к речи какого народа он мог быть близок.

Гунны не принадлежали к тюркскому или монгольскому миру по основным археологическим признакам культурогенеза: ни по типу жилищ, ни по облику захоронений [Кызласов И.Л. 2011: 8–31, 77–116, 147–170]. Но именно они *впервые вывели на историческую арену ранние тюркские народы*, сдвинув их из неведомых первобытных мест на север – на Саяно-Алтайское нагорье.

Гунны широко расселились в степной части Западного Забайкалья, основали там уже упомянутые нами города и поселения, вокруг которых за долгие годы сложились большие могильники, включая захоронения собственно гуннской знати. Отчетливые следы гуннского пребывания остались в Туве и на Горном Алтае. Но в степи и горы Саяно-Алтайского нагорья гунны большим числом не переселялись. Археологических памятников собственно гуннской культуры в Хакасско-Минусинской котловине до сих пор открыто очень немного.

В Южной Сибири власть гуннских шаньюев поддерживалась с помощью специально посланных туда наместников. Но даже они не всегда были гуннами. В конце II в. до н.э. во главе динлинов поставили князя Вэй Люя, человека степного происхождения, но получившего китайское образование. Он был советником гуннских владык, призывавшим к созданию укрепленных поселений. В начале I в. до н.э. наместником во «владении Хягас» – в северо-западную провинцию гуннского государства был назначен разбитый в 99 г. до н.э. гуннами и взятый ими в плен родовитый китайский полководец Ли Лин. В годы его правления на левом берегу Абакана и был построен городок с многокомнатным дворцом посередине, который был найден и подробно изучен археологами. Ли Лин умер в 75 г. до н.э. Это единственный деятель гуннской эпохи в истории Хакасии, который известен нам по имени. Его судьба описана китайским историком Сыма Цянем, бывшим его другом, а память о нем более 1000 лет сохранялась жителями южносибирского края [Кызласов Л.Р. 2001: 133–135].

Письменные источники кратко повествуют о дальнейших исторических событиях. Власть гуннов над Саяно-Алтайским нагорьем пробыла незыблемой более 100 лет. Затем местные народы начали борьбу за изгнание гуннов. Вероятно, можно видеть несколько причин этого. Во-первых, всё это время сохранялась историческая память о разрушенной гуннами собственной государственности с величием царской власти (вспомним огромные курганы Салбыкской степи и других земель). Во-вторых, за несколько столетий существования единой тагарской археологической культуры у её населения определённо сложилось самосознание, выраженное в мировоззрении жречества, которое пронизывало общественную жизнь (соблюдение древних культов пережило гуннскую власть). В-третьих, сохранение гуннами основных производств и привнесение новых умений сберегло хозяйственную мощь региона. В-четвёртых, произошло сложение и укрепление новой общности – союза аборигенов-динлинов и новоселов-гяньгуней, принесших на Енисей иные формы правления.

Так или иначе, но население Саяно-Алтая, которое китайские историки продолжают называть динлинами, а также вошедшие в соглашение западные и восточные соседи около 69 г. до н.э. с трёх сторон напали на гуннов. По словам летописца «сии три народа порубили несколько десятков тысяч человек». Напор не ослаб и в дальнейшем, в 63–60 гг. до н.э., «динлины сряду три года производили набеги на земли гуннов, убили и в плен увели несколько тысяч человек, угнали множество лошадей и рогатого скота. Гунны посылали за ними 10 000 конницы, но без всякого успеха» [Бичурин 1950: 82, 84].

Эти набеги способствовали распаду гуннского государства, которое в это время переживало трудные времена. В отношении 56 г. до н.э. говорится, что сын Ли Лина, имя которого осталось для нас неизвестным, строил козни против гуннского шаньюя. Возможно, именно этот представитель второго поколения новой южносибирской знати и возглавлял набеги динлино-гяньгуней на центральные гуннские земли.

Показательным итогом этой борьбы на Среднем Енисее стала та крепнувшая новая общность, о сложении которой китайские источники говорят как о смешении кыргызов-гяньгуней с динлинами [Бичурин 1950: 350, 351; Кюнер 1951: 4, 5; ср.: Јоки 1952: 107; Кызласов Л.Р. 2001: 131]. Археологи видят это слияние двух народов, первоначально различавшихся по культуре. Оно происходило на тесинском переходном этапе, сохранявшем многие черты предшествующей местной тагарской, но содержащем и пришлые особенности материальной и духовной культуры, связанные с Центральной Азией. Развитие завершилось сложением на Енисее новой и единой таштыкской археологической культуры.

Нигде, кроме Хакасско-Минусинской котловины, не наблюдается такого соответствия данных письменных и археологических источников. Поскольку принадлежность пришедшей культуры кыргызам-гяньгуням доказана всем последующим развитием региона, носителей тагарской культуры правдоподобно отнести к летописным динлинам.

На землях Бурятии, как можно думать, есть прямые археологические следы беспощадного вытеснения гуннов. Столь большое число чугунных лемехов, найденного на поселении Дурёны, – ценного металлического инвентаря, оставленного гуннскими поселенцами, – следует, пожалуй, объяснить только внезапной бедою, постигшей эту колонию пахарей. Наиболее вероятно таким несчастьем явилось нападение внезапно появившегося врага на неукрепленное поселение, долго не знавшего никакой опасности.

В 55 г. до н.э. в результате междоусобной войны гуннская держава распалась надвое. Во главе южной и северной части встали два шаньюя – братья и противники. Правитель северных гуннов, шаньюй Чжичжи, в 49 г. подчинил себе некое владение Уцзе, на западе разбил гяньгуней, «а на севере принудил сдаться динлинов». Поскольку земли гяньгуней «находились на расстоянии 7 тысяч ли западнее ставки шаньюя», то речь здесь явно идёт о первоначальной родине гяньгуней у современного озера Кыргыз-нур в Монголии. Видимо, в той местности ещё продолжала жить некоторая часть гяньгуней. Теперь там на несколько лет поселился Чжичжи-шаньюй со своей многочисленной армией. По-видимому, приход гуннского воинства вызвал новый переход разбитых врагом гяньгуней из Центральной Азии в Хакасско-Минусинскую котловину, где уже со II в. до н.э. проживали их соплеменники, а также враждебные гуннам динлины.

Вскоре после 40 г. до н.э. гунны ушли на запад в Среднюю Азию, где в 36 г. до н.э. были разбиты. В общей сложности, хотя и с перерывами, народы Саяно-Алтайского нагорья около 160 лет, в течение 6–7 поколений, входили в состав гуннского государства – с 201 до 40 г. до н.э. [Кызласов Л.Р. 1984: 24]. Нет сомнения, что этот период имел большие исторические последствия в жизни народов Хакасско-Минусинской котловины.

Окончание периода Древности и начало Средневековья

Воспринимаемое как сугубо европейское явление, Великое переселение народов оказывается рубежом между местной древней и средневековой историей. Однако российские пределы вынуждают превосходить границы географических познаний обеих позднеримских империй. Занимаясь историей Сибири, приходится помнить, что Великое переселение народов, вызванное гуннским нашествием, возникло не в Европе и не в IV в. Значимые для истории материка передвижения произошли в Центральной Азии уже во II в. до н.э.

Как мы видели, всматриваясь в это движение не столь сложно обнаружить среди известных по письменным источникам сюжетов, не всегда замечаемые исследователями особенности культуры центральноазиатских гуннов. Особенно, дополняя исторический очерк археологическими данными [Кызласов И.Л. 2011: 134–170; 2020].

Процесс проникновения в среду динлинов Среднего Енисея кыргызов-гяньгуней, говоривших на одном из древних языков тюркской группы, происходил несколько раз и продолжался в течение длительного периода. Начавшись во II в. до н.э., он закончился лишь в сер. I в. до н.э. С тех пор имя гяньгуней не встречается в летописях до III в. н.э., вероятно, потому что из-за ухода населения на Енисей исчезло само прежнее владение Гяньгунь на землях Монголии. Имя *гяньгунь* вновь появляется в китайских письменных источниках только в VI в. н.э., когда они уже отождествляются с хакасами [Киселев 1949: 315, 316; 1951: 561; Кызласов Л.Р. 1960: 165; 1984: 19; 1992:

38; 2001: 127]. Уже при гуннах и благодаря их воле, но далеко не сразу, гяньгуни/гэгуни (ныне китайское произношение имени – цзянькунь/гэкунь) заняли на новых землях господствующие позиции [Кызласов Л.Р. 2001: 145]. Письменные и археологические материалы позволяют отнести формирование их властной роли к 50–60-м гг. I в. до н.э. Она объясняется не только приливом гэгуней и окончанием гуннского могущества в 40 г. до н.э., но и их уверенностью в своем праве наследовать власть последних. Тысячелетие спустя, в IX в., кыргызы все еще прямо возводили свое правление к гуннскому наместнику в Южной Сибири князю Ли Лину [Бичурин 1950: 334, 356, 357; Кызласов Л.Р. 2001: 130–135]. Спустя еще одно тысячелетие, согласно русским источникам XVII в., кыргызы на Енисее по-прежнему составляли правящий слой. Они же, составляя сёок Хыргыс, управляли в Хакасии вплоть до коллективизации, до 1-й трети XX в.

Социальное устройство раннесредневековых тюркских государств не было похожим на европейское или китайское. К их системе правления не подходит привычное для нас понятие *династии*. В степных государствах неизменно была чрезвычайно велика роль не правящей фамилии, а именно *всего властвующего рода*: у народа тюрков такую роль играл весь род Ашина, у древних уйгуров – род Яглакар, а у древних и средневековых хакасов – люди рода Хыргыс (Кыргыз). Только из представителей единственного правящего рода из века в век могла формироваться и верховная, и местная власть в стране. Эта особенность государственной жизни, отличающаяся от законов наследования власти, как Европы, так и Китая, не понималась древними китайскими учеными, не осознается она и современными европейскими (среди них – и нашими) историками, в равной мере привычными к частой смене династийных фамилий в прошлой жизни собственных земель и народов. Недооценивается наукой и самосознание владельческого рода у ранних тюркских народов. Если кыргызы в IX в. возводили свою власть к началу I в. до н.э., то ашина в V в. заявляли о 10 поколениях правителей, т. е. вели счет с сер. II в.³

Таштыкская культура оказалась ядром, из которого вышли все последующие археологические культуры Хакаско-Минусинской котловины, последовательно и без перерыва проистекавшие друг из друга: чаатас (VI – начало IX в.), тюхтятская (сер. IX – X в.), аскизская (конец X – XVII в.) и этнографическая культура хакасов. Тем самым, исторический перелом, произошедший на Енисее в результате гуннского воздействия, очевиден для археолога. Закономерно встает вопрос о местных исторических границах Древности и Средневековья. Разрешить его в рамках археологической науки вполне возможно.

Проведенные С.В. Киселёвым и Л.А. Евтюховой работы на самых крупных объектах Хакасии раннего железного века – раскопки Большого Салбыкского кургана и изучение связанной с ним каменоломни горы Хызыл-Хая [Киселев 1956; 2015: 8–17; 2016: 6–15; Дэвлет 1976; Марсаолов 2010; 2015; 2016] показали величие тагарской культуры. Оно заключалось в самой возможности и способности сооружения невиданных по размерам памятников. И обставленные камнями курганы, и каменоломня Хызыл-Хая свидетельствовали о работе профессионалов. Специальных знаний требовала точно сориентированная и детально размеченная погребальная архитектура и водружение ее монолитов, процесс добывания каменных этих глыб и их перевозки.

В дальнейшем сравнение письменных памятников Запада и Востока того времени – «Истории» Геродота и «Каталога гор и морей (Шань хай цзин)» – показали, что каждый тагарский курган воспроизводил Вселенную: обитаемый мир (замкнутый квадратом горных хребтов со священны-

³Здесь уместно вспомнить о единственном правящем роде гуннов – Люаньди. Современники отмечали в степных правилах большую устойчивость в наследовании власти, чем в Китае: «Хотя среди сюнну происходили смуты, на престол всегда ставились люди из одного и того же рода» [Таскин 1968: 46; 1990: 25].

ми вершинами) с центральной горою, возносящейся до обители богов-небожителей и скрывавшей под собою глубины мира мертвых [Кызласов И.Л. 1987; 1989]. Создавать такие объекты, а их в Хакасии тысячи, могли лишь жрецы.

Другую группу жрецов, обладавших иными профессиональными знаниями и навыками, раскрывают сами захоронения. На поздних этапах тагарской культуры хоронили не тела, а созданные на очищенных скелетах мумии умерших и, скульптурно воспроизводя их лица, обмазывали трепанированные черепа глиной и гипсом. Такие мумии до погребений накапливались в каких-то помещениях – поминальных храмах, в которых они стояли. На то указывают деревянные каркасы, крепившие скелеты [Вадецкая 1986: 84, 86; Кузьмин, Варламов 1988], кардинально отличающие их от одновременных лежащих мумий соседних культур – уюкской (чандманьской) в Тувинской котловине и Северо-Западной Монголии и пазырыкской на Горном и Казахском Алтае.

Археологам остались следы жреческих действий. Никто не знает, какими были культовые церемонии добытчиков камня и курганных строителей, анатомов и скульпторов, какой обрядностью сопровождалась акты захоронения.

Открытую С.В. Киселёвым раннюю государственность Енисея отличало не только комплексное хозяйство с пахотным земледелием и развитой металлургией, но и многочисленное, специализировавшееся в разных культовых областях, жречество. Мы напрасно думаем, что шаманизм был извечной и единственной формой духовной жизни Сибири.

Эпоха Древности исчезла на Енисее вместе с величием тагарской культуры. В условиях гуннского владычества пришло новое, более мелкое в своих материальных проявлениях племя с иными устоями, кардинально иным мировоззрением и другим языком. И исчезли из жизни навсегда:

- курганы, воспроизводившие Вселенную (сменились имитацией жилищ);
- архитекторы и строители, мастера каменоломен, перевозки и водружения монолитов (сменились мастерами каменных кладок);
- жреческая каста, создававшая мумии умерших: знатоки анатомии, минералогии, бальзамов и смесей, скульпторы-физиономисты (обрядовая телесность заменена бестелесностью трупосожжений);
- допогребальные храмовые комплексы и их обрядность;
- коллективизм захоронений (заменен индивидуальными и малосемейными погребениями);
- массовость проходивших у писаных скал молитвенных фестивалей;
- культовая металлургия меди.

Наступило время перехода к новой культурной эре, отличавшей местное Средневековье. Этот процесс постепенного изменения в археологии представлен материалами тагарско-таштыкского (тесинского) переходного этапа – отражением процессов органичного срастания тагарского наследия с пришлой, главенствующей с тех пор культурой ранних кыргызов-гяньгуней. Формирование новой, отличной от прежней, уже слившейся воедино общности отличает таштыкскую культуру – ту основу, на которой, как сказано, преемственно развивались все последующие культуры Хакасско-Минусинской котловины. В таштыкской культуре еще бытовали некоторые традиции среднеенисейской Древности, но именно в ней вызревало местное Средневековье. Быть может, именно с таштыкской эпохи и следует начинать Средневековье Хакасско-Минусинской котловины.

Выявляемая на Енисее археологическая градация исторических периодов Древности и Средневековья распространяема на все Саяно-Алтайское нагорье и Прибайкалье. Всюду рубежом древнего и средневекового развития оказывается гуннская эпоха.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 380 с.
- 2 Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 179 с.
- 3 Давыдова А.В. Иволгинское городище (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. 1956. Т. XXV. С. 261-300.
- 4 Давыдова А.В. Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 111 с.
- 5 Давыдова А.В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. Иволгинское городище. СПб.: Фонд АзиатИКА, 1995. 287 с.
- 6 Давыдова А.В., Миняев С.С. Комплекс археологических памятников у села Дурёны. СПб.: Фонд АзиатИКА, 2003. 164 с.
- 7 Данилов С.В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
- 8 Дёрфер Г. О языке гуннов // Западная тюркология. Вып. I. Древние тюркские языки и литературы. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1986. С. 71-134.
- 9 Дэвлет М.А. Большой Салбыкский курган – могила племенного вождя // Из истории Сибири. Вып. 21. М-лы совещ. по проблеме «Экономика и социальная структура древнего населения Западной Сибири» (г. Томск, 17–22 марта 1975 г.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1976. С. 146-154.
- 10 Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. / САИ, вып. Д4-7. М.: Наука, 1980. 66 с.
- 11 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири / МИА, № 9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 364 с.
- 12 Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 643 с.
- 13 Киселев С.В. Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91-101.
- 14 Киселев С.В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме Института истории материальной культуры, посвящ. итогам археологических исследований 1955 г. М.; Л.: [б.и.], 1956. С. 56-58.
- 15 Киселев С.В. Отчеты о раскопках Большого Салбыкского кургана за 1954–1956 годы // Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. Вып. 6 / Ред. Л.С. Марсадолов. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. С. 8-17.
- 16 Киселев С.В. Отчеты о раскопках Большого Салбыкского кургана за 1954–1956 годы // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях / Ред. Л.С. Марсадолов, В.Н. Тугужекова. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 2016. С. 6-15.
- 17 Кубарев В.Д., Журавлева А.Д. Керамическое производство хуннов Алтая // Палеоэкономика Сибири / Отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1986. С. 111-118.
- 18 Кузьмин Н.Ю., Варламов О.Б. Особенности погребального обряда племён Минусинской котловины на рубеже нашей эры. Опыт реконструкции // Методические проблемы археологии Сибири / Отв. ред. Р.С. Васильевский, Ю.П. Холушкин. Новосибирск: Наука, 1988. С. 146-152.
- 19 Кызласов И.Л. Семантика тагарского кургана // Исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Тез. докл. Омск: ОмГУ, 1987. Ч. II. С. 94-97.
- 20 Кызласов И.Л. Воплощения Вселенной (археологические памятники как объект палеоастрономии) // Историко-астрономические исследования. Вып. XXI. М.: Наука, 1989. С. 193-212, вклейка.
- 21 Кызласов И.Л. Алтаистика и археология. М.: Институт тюркологии, 2011. 256 с.
- 22 Кызласов И.Л. Азиатские начала Великого переселения народов // История вещей – история и вещи / Раннеславянский мир. Вып. 20. М.: ИА РАН, 2020. С. 250-262.
- 23 Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. 197 с., вклейка.
- 24 Кызласов Л.Р. О памятниках ранних гуннов // Древности Восточной Европы. К 70-летию А.П. Смирнова / МИА, № 169. М.: Наука, 1969. С. 115-124.
- 25 Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. 207 с.
- 26 Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М.: Высшая школа, 1984. 167 с.

- 27 Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992. 224 с.
- 28 Кызласов Л.Р. Города гуннов // Татарская археология. 1998. № 2 (3). С. 47-64.
- 29 Кызласов Л.Р. Города гуннов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов. М.: ИА РАН, 1999. С. 195-205.
- 30 Кызласов Л.Р. Гуннский дворец на Енисее. Проблема ранней государственности Южной Сибири. М.: Вост. лит. РАН, 2001. 176 с.
- 31 Кызласов Л.Р. Городская цивилизация Срединной и Северной Азии. Исторические и археологические исследования. М.: Вост. лит. РАН, 2006. 360 с.
- 32 Кюннер Н.В. Новые китайские материалы по этнографии кыргызов (хакасов) VII–VIII вв. н.э. // Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. II. Абакан: Хаггосиздат, 1951. С. 3-16.
- 33 Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2010. 128 с.
- 34 Марсадолов Л.С. История изучения Большого Салбыкского кургана и окружающих его объектов // Отчет об исследовании Большого Салбыкского кургана и его окружения. Материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. Вып. 6 / Ред. Л.С. Марсадолов. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. С. 6-7.
- 35 Марсадолов Л.С. Краткая история исследования памятников в Салбыкской долине // Большой Салбыкский курган и археологические памятники в его окрестностях / Ред. Л.С. Марсадолов, В.Н. Тугужекова. Абакан: Хакасский НИИЯЛИ, 2016. С. 4-5.
- 36 Миняев С.С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфными изображениями (По данным спектрального анализа) // Дэвлет М.А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н.э. – I в. н.э. / САИ, вып. Д4-7. Приложение. М.: Наука, 1980. С. 29-34.
- 37 Миняев С.С. Производство бронзовых изделий у сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1983. С. 47-84.
- 38 Окладников А.П. О начале земледелия за Байкалом и в Монголии // Древний мир. Сб. статей академику В.В. Струве. М.: Изд-во вост. лит., 1962. С. 418-431.
- 39 Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в древней Туве / МИА, № 149. М.: Наука, 1969. 140 с.
- 40 Сыма Цянь. Исторические записки (Ши цзи). Т. II. Перевод с китайского, комментарий Р.В. Вяткина и В.С. Таскина. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1975. 579 с.
- 41 Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1968. 177 с.
- 42 Таскин В.С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 2. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1973. 171 с.
- 43 Торчинов Е.А. Доклады Чао Цо о сюнну // Страны и народы Востока. 2005. Вып. XXXII. С. 383-414.
- 44 Davydova A. V. The Ivolga gorodishche // Acta Arhaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. T. 20. Budapest, 1968. S. 209-245.
- 45 Joki A.J. Die Lehnwörter des Sajansamojedischen / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 103. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1952. 395 s.

REFERENCES

- 1 Bichurin, N. Ya. 1950. *Sobranie svedeniy o narodah, obitavshih v Sredney Azii v drevnie vremena (Collection of information on the peoples inhabiting Middle Asia in ancient time)*. Vol. I. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 2 Vadetskaya, E. B. 1986. *Arheologicheskie pamyatniki v stepyah Srednego Eniseya (Archaeological sites in the steppes of the Middle Yenisei)*. Leningrad: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 3 Davydova, A. V. 1956. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, XXV, 261-300 (in Russian).
- 4 Davydova, A. V. 1985. *Ivolginskiy kompleks – pamyatnik hunnu v Zabajkalie (Ivolginsky complex – monument of the Huns in Transbaikalia)*. Leningrad: Leningrad State University (in Russian).
- 5 Davydova, A. V. 1995. *Ivolginskiy arheologicheskiy kompleks (Ivolga archaeological complex)*. Vol. 1. *Ivolginskoe gorodishche (Ivolga settlement)*. Saint Petersburg: Fond AziatIKA (in Russian).

- 6 Davydova, A. V., Minyaev, S. S. 2003. *Kompleks arheologicheskikh pamyatnikov u sela Duryony (The complex of archaeological monuments near the village of Dureny)*. Saint Petersburg: Fond Aziatika, (in Russian).
- 7 Danilov, S. V. 2004. *Goroda v kochevykh obshchestvakh Tsentralnoy Azii (Cities in Nomadic Societies of Central Asia)*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center SB RAS (in Russian).
- 8 Dyorfer, G. 1986. In: *Zapadnaya tyurkologiya (Western Turkology)*. Vol. I. *Drevnie tyurkskie yazyki i literatury (Ancient Turkic languages and literatures)*. Moscow: "Nauka", "Glavnaya redakciya vostochnoy literatury" Publ., 71-134 (in Russian).
- 9 Devlet, M. A. 1976. In: *Iz istorii Sibiri (From the history of Siberia)*. Vol. 21. Tomsk: Tomsk State University, 146-154 (in Russian).
- 10 Devlet, M. A. 1980. *Sibirskie poyasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e. (Siberian belt openwork plates of the 2nd century BC – 1st century AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
- 11 Kiselev, S. V. 1949. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri (Ancient History of Southern Siberia)*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 12 Kiselev, S. V. 1951. *Drevnyaya istoriya Yuzhnoy Sibiri (Ancient History of Southern Siberia)*. Moscow: USSR Academy of Sciences (in Russian).
- 13 Kiselev, S. V. 1957. In: *Sovetskaya arheologiya (Soviet archaeology)*, 2, 91-101 (in Russian).
- 14 Kiselev, S. V. 1956. In: *Tezisy dokladov na sessii Otdeleniya istoricheskikh nauk i plenuma instituta istorii materialnoy kultury, posvyashchennoy itogam arheologicheskikh issledovaniy 1955 g. (Abstracts of reports at the session of the Department of Historical Sciences and the plenum of the Institute of the History of Material Culture, dedicated to the results of archaeological research in 1955)*. Moscow; Leningrad, 56-58 (in Russian).
- 15 Kiselev, S. V. 2015. In: Marsadolov, L. S. (ed.). *Otchet ob issledovanii Bolshogo Salbykского kurgana i ego okruzeniya. Materialy Sayano-Altayskoy arheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on the study of the Great Salbyk mound and its surroundings. Materials of the Sayano-Altay Archaeological expedition of the State Hermitage)*. Vol. 6. Saint Petersburg: State Hermitage, 8-17 (in Russian).
- 16 Kiselev, S. V. 2016. In: Marsadolov, L. S., Tuguzhekova, V. N. (eds.). *Bolshoy Salbykский kurgan i arheologicheskie pamyatniki v ego okrestnostyakh (Bolshoy Salbykский kurgan and archaeological sites in its vicinity)*. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 6-15 (in Russian).
- 17 Kubarev, V. D., Zhuravleva, A. D. 1986. In: Molodin, V. I. (ed.). *Paleoekonomika Sibiri (Paleoeconomics of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 111-118 (in Russian).
- 18 Kuzmin, N. Yu., Varlamov, O. B. 1988. In: Vasilevskiy, R. S., Kholuyshkin, Yu. P. (eds.). *Metodicheskie problemy arheologii Sibiri (Methodological problems of the archaeology of Siberia)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ., 146-152 (in Russian).
- 19 Kyzlasov, I. L. 1987. In: *Istoricheskie chteniya pamyati M. Gryaznova (Historical readings in memory of M. Gryaznov)*. Part II. Omsk: Omsk State University, 94-97 (in Russian).
- 20 Kyzlasov, I. L. 1989. In: *Istoriko-astronomicheskie issledovaniya (Historical and astronomical research)*. Vol. XXI. Moscow: "Nauka" Publ., 193-212 (in Russian).
- 21 Kyzlasov, I. L. 2011. *Altaistika i arheologiya (Altaistics and Archaeology)*. Moscow: Institute of Turkology (in Russian).
- 22 Kyzlasov, I. L. 2020. In: *Istoriya veshchej – istoriya i veshchi / Ranneslavyanskij mir (History of things – history and things / Early Slavic World)*. Vol. 20. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 250-262 (in Russian).
- 23 Kyzlasov, L. R. 1960. *Tashtykская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I v. do n.e. – V v. n.e.) (The Tashtyk epoch in the history of the Khakass-Minusinsk basin (1st century BC – 5th century AD))*. Moscow: Moscow University (in Russian).
- 24 Kyzlasov, L. R. 1969. In: *Drevnosti Vostochnoy Evropy (Antiquities of Eastern Europe)*. Moscow: "Nauka" Publ., 115-124 (in Russian).
- 25 Kyzlasov, L. R. 1979. *Drevnyaya Tuva (ot paleolita do IX v.) (Ancient Tuva (from the Paleolithic to the 9th century))*. Moscow: Moscow University (in Russian).
- 26 Kyzlasov, L. R. 1984. *Istoriya Yuzhnoy Sibiri v srednie veka (The History of Southern Siberia in the Middle Ages)*. Moscow: "Vysshaya shkola" Publ. (in Russian).
- 27 Kyzlasov, L. R. 1992. *Ocherki po istorii Sibiri i Tsentralnoy Azii (Essays on the history of Siberia and Central Asia)*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University (in Russian).

- 28 Kyzlasov, L. R. 1998. In: *Tatarskaya arheologiya (Tatar archaeology)*, 2 (3), 47-64 (in Russian).
- 29 Kyzlasov, L. R. 1999. In: Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. Bashilov, V. A. (eds.). *Evrasiyskie drevnosti. 100 let B.N. Grakovu: arhivnye materialy, publikatsii, statii (Eurasian antiquities. 100 years of B. Grakov: archival materials, publications, articles)*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 195-205 (in Russian).
- 30 Kyzlasov, L. R. 2001. *Gunnskiy dvorets na Enisee. Problema ranney gosudarstvennosti Yuzhnoy Sibiri (The Hunnic Palace on the Yenisei. The problem of early statehood in Southern Siberia)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 31 Kyzlasov, L. R. 2006. *Gorodskaya tsivilizatsiya Sredinnoy i Severnoy Azii. Istoricheskie i arheologicheskie issledovaniya (Urban civilization of Central and Northern Asia. Historical and archaeological research)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ. (in Russian).
- 32 Kyuner, N. V. 1951. In: *Zapiski Hakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii (Notes of the Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History)*. Vol. II. Abakan: Hakgosizdat, 3-16 (in Russian).
- 33 Marsadolov, L. S. 2010. *Bolshoy Salbykskiy kurgan v Hakasii (Bolshoy Salbykskiy kurgan in Khakassia)*. Abakan: “Hakasskoe kn. izd-vo” Publ. (in Russian).
- 34 Marsadolov, L. S. 2015. In: Marsadolov, L. S. (ed.). *Otchet ob issledovanii Bolshogo Salbykskogo kurgana i ego okruzeniya. Materialy Sayano-Altayskoy arheologicheskoy ekspeditsii Gosudarstvennogo Ermitazha (Report on the study of the Great Salbyk mound and its surroundings. Materials of the Sayano-Altai Archaeological expedition of the State Hermitage Museum)*. Vol. 6. Saint Petersburg: State Hermitage Museum, 6-7 (in Russian).
- 35 Marsadolov, L. S. 2016. In: Marsadolov, L. S., Tuguzhekova, V. N. (eds.). *Bolshoy Salbykskiy kurgan i arheologicheskie pamyatniki v ego okrestnostyah (Bolshoy Salbykskiy kurgan and archaeological sites in its vicinity)*. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 4-5 (in Russian).
- 36 Minyaev, S. S. 1980. In: Devlet, M. A. *Sibirskie pojasnye azhurnye plastiny II v. do n.e. – I v. n.e. ((Siberian belt openwork plates of the 2nd century BC – 1st century AD)*. Moscow: “Nauka” Publ., 29-34 (in Russian).
- 37 Minyaev, S. S. 1983. In: Kiryushin, Yu. F. (ed.). *Drevnie gorniyaki i metallurgi Sibiri (Ancient miners and metallurgists of Siberia)*. Barnaul: Altay State University, 47-84 (in Russian).
- 38 Okladnikov, A. P. 1962. In: *Drevniy mir (Ancient world)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ, 418-431 (in Russian).
- 39 Sunchugashev, Ya. I. 1969. *Gornoe delo i vyplavka metallov v drevney Tuve (Mining and metal smelting in ancient Tuva)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
- 40 Syma Tsyan. 1975. *Istoricheskie zapiski (Shi czi)*. T. II. *Perevod s kitayskogo, kommentarii R. Vyatkina i V. Taskina (Historical Notes (Shi ji)*. Vol. II. Translation from Chinese, commentary by R. Vyatkin and V. Taskin). Moscow: “Nauka”, “Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury” Publ. (in Russian).
- 41 Taskin, V. S. 1968. *Materialy po istorii syunnu (po kitayskim istochnikam)*. Moscow: “Nauka”, “Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury” Publ. (in Russian).
- 42 Taskin V.S. 1973. *Materialy po istorii syunnu (po kitajskim istochnikam) (Materials on the history of Xiongnu (according to Chinese sources))*. Vol. 2. Moscow: “Nauka”, “Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury” Publ. (in Russian).
- 43 Torchinov, E. A. 2005. In: *Strany i narody Vostoka (Countries and peoples of the East)*, XXXII, 383-414 (in Russian).
- 44 Davydova, A. V. 1968. In: *Acta Arhaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 20. Budapest, 209-245 (in English).
- 45 Joki, A. J. 1952. *Die Lehnwörter des Sajansamojedischen / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. 103. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura (in German).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.
Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 12.01.2023.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 31.01.2023.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 31.01.2023.

